

Цзинь Шуань прибыл в новый офис уже во второй половине дня. Сотрудница, которая встречала Хань Чжоу, стояла перед его столом и, слегка смущаясь, протянула тонкую миниатюрную тетрадь:

— Учитель Хань попросил передать это вместе с цветочным горшком.

Цзинь Шуань улыбнулся, взяв тетрадь, и жестом отпустил сотрудницу:

— Спасибо, можешь идти.

На самом деле цветочный горшок, который подарил Хань Чжоу, был вполне симпатичным — простой стеклянный горшок толщиной около трёх сантиметров, полностью прозрачный, с неровными краями, напоминающими огромный кусок льда. Через стекло было видно землю внутри, а на поверхности горшка были лёгкие волны, что делало его универсальным.

Однако странным было то, что в горшке не было растений. Он был заполнен землёй, а с двух сторон торчали деревянные палочки, между которыми, словно лозунг, была натянута ярко-красная бумага с надписью: «Золотой слой не трогает вершину облаков, внезапный дождь ударяет по занавескам».

Цзинь Шуань немного постоял, наблюдая за этим, затем аккуратно сложил красную бумагу и вместе с рукописной книгой «Технология выращивания овощей — угадай, что я тебе посадил?», которую прислал Хань Чжоу, положил в толстую папку.

Утром в день пленэра они вместе отправились в студию. К их приходу преподаватели уже проверяли наличие студентов и снаряжение. Большинство знали Цзинь Шуаня, поэтому, увидев его, стали здороваться.

— Цзинь, ты пришёл прогуляться или тоже на пленэр? — Лу Е протянул Цзинь Шуаню сигарету.

— Утром горло болит, Лу, лучше не курить, это вредно для здоровья, — Цзинь Шуань вежливо отказался, понимая, что вокруг много студентов, но не стал ставить Лу Е в неловкое положение. — Я пришёл прогуляться, можно сказать, для вдохновения.

Лу Е кивнул, закурил, но тут же получил лёгкий шлепок от Линьлинь, которая внезапно появилась рядом:

— Не кури, вокруг студенты, это плохой пример.

Лу Е на мгновение замер, взглянул на Цзинь Шуаня, сдержанно улыбнулся и убрал сигарету в пачку, после чего развернулся и ушёл.

— Цзинь, ты останешься на весь срок? — Линьлинь, не заметившая выражения лица Лу Е, потерла руки, чтобы согреться.

Утро мая было ещё прохладным, и она была легко одета.

Цзинь Шуань покачал головой:

— Три дня, вернусь рано утром послезавтра.

— Понятно.

Линьлинь хотела продолжить, но вдруг почувствовала тепло на спине. Обернувшись, она увидела, что Лу Е накинул на неё куртку.

Она сладко улыбнулась ему, закуталась в куртку и снова повернулась к Цзинь Шуаню:

— Я видела, ты приехал на машине Хань Чжоу. Он тебя забрал?

Цзинь Шуань покачал головой, и Линьлинь не стала расспрашивать дальше. Впереди Хань Чжоу с громкоговорителем обращался к студентам, которые под руководством преподавателей начали садиться в автобусы. Почти триста человек заняли восемь больших автобусов.

Преподаватели распределялись по группам. Цзинь Шуань заметил среди толпы робкого учителя Сяо Вана, который издали показал ему большой палец и беззвучно произнёс:

— Удачи.

Цзинь Шуань улыбнулся, увидев, как Хань Чжоу направляется к нему.

— Чему улыбаешься?

Хань Чжоу хлопнул его по плечу.

— Пойдём, нам нужно возглавить колонну.

— Ты не устал?

Цзинь Шуань ласково погладил Хань Чжоу по голове.

— Я поеду, а ты поспишь.

Хань Чжоу вспомнил прошлую ночь и с улыбкой ответил:

— Если устану в пути, ты сменишь меня.

Накануне вечером он, чтобы утром было удобнее, сразу после работы поехал к Цзинь Шуаню.

Он думал, что, помня о раннем подъёме, сможет спокойно лечь спать, но реальность оказалась далёкой от идеала.

Когда любимый человек лежит рядом, почти раздетый, под одним одеялом, тела соприкасаются, дыхание смешивается — это невозможно выдержать. Несколько раз перевернувшись, они обнялись, потом начали целоваться, а после уже не могли остановиться.

Но они должны были сдержаться.

После нескольких попыток Цзинь Шуань в час ночи перебрался в соседнюю комнату.

— Когда вернёмся, ты расскажешь мне всё, — сказал Хань Чжоу.

Цзинь Шуань долго молчал, затем повернулся к Хань Чжоу, который вёл машину, и не слишком уверенно произнёс:

— Хорошо.

— На самом деле тебе не нужно бояться.

Хань Чжоу взглянул на него.

— Мы с тобой, возможно, будем так же хорошо ладить, как и сейчас, а может, станем как другие пары — начнём ссориться, отдаляться друг от друга или даже раздражаться из-за мелких недостатков. Но, Цзинь Шуань...

Он на мгновение замолчал, продолжая смотреть на дорогу.

— Пока наши чувства остаются неизменными и нет серьёзных ошибок, я не уйду.

Мне сложно по-настоящему что-то ценить, но если я это делаю, то никогда не прощаюсь.

Его слова были просты, но утешительны, и они медленно проникали в сердце Цзинь Шуаня, вызывая лёгкую боль.

По шоссе проносились машины. Внедорожник Хань Чжоу был большим и высоким, и, несмотря на тишину внутри, он не казался пустым.

Через некоторое время на крыше застучали капли дождя, и серые облака поползли с горизонта.

Хань Чжоу схватил Цзинь Шуаня за руку, улыбнулся и свернул на развилку.

— Не смотри, что мы свернули на другую дорогу. Мы просто направились к месту с горами и водой, но мы всё ещё в машине, всё ещё вместе.

Утром, выходя из дома, Цзинь Шуань заметил, что Хань Чжоу надел лоферы, и сказал:

— Вернись и смени обувь, ещё рано оголять лодыжки.

Хань Чжоу весело подпрыгнул:

— Мне не холодно.

Цзинь Шуань:

— Когда почувствуешь холод, будет уже поздно. Послушайся меня, смени.

Хань Чжоу:

— Но ты тоже оголил лодыжки.

Цзинь Шуань:

— Потому что мне не холодно.

Хань Чжоу:

— Тогда и мне не холодно.

Цзинь Шуань:

— Как может не быть холодно, если лодыжки на улице?

Хань Чжоу: «...»

В итоге он вернулся и сменил обувь на кроссовки.

— Есть такая вещь, как «холод, который чувствует твой парень».

Мацзягоу находился не так близко к Лянчэну, и даже при хорошей дороге путь занимал около трёх часов. Колонна выехала из зоны дождя, и до съезда с шоссе всё шло гладко. Однако, приближаясь к деревне, они начали слышать скрип колёс.

Это была родина их босса, ранее считавшаяся бедной деревней на уровне провинции. После открытия студии он активно рекламировал это место среди коллег, призывая всех приезжать сюда на пленэр. Во-первых, здесь были красивые пейзажи, горы и поля, идеальные для рисования, но главное — это была возможность помочь местным жителям.

— Сейчас окрестные деревни стали намного лучше, чем раньше, — сказал Хань Чжоу, сидя на пассажирском сиденье и жуя сушёный манго.

Он поменялся местами с Цзинь Шуанем, хотя и не устал, но Цзинь Шуань беспокоился, что он утомится за рулём и потом не сможет организовать студентов.

Он оторвал небольшой кусочек манго и положил его в рот Цзинь Шуаню, глядя в окно:

— Когда я семь-восемь лет назад приезжал сюда с группой, здесь были только грязные дороги. После дождя земля превращалась в рытвины, машины качались, и вокруг не было ни одного дома с черепичной крышей.

В этот момент они увидели двух человек на дороге. Хань Чжоу опустил окно и крикнул:

— Дядя Чжао, дядя Лю!

Дядя Чжао был старостой Мацзягоу, а дядя Лю — старостой соседнего Янлюбао. Каждый раз, когда приезжала студия, они выходили встречать гостей. Хань Чжоу пригласил их в машину, и вчетвером они продолжили путь ещё около получаса, пока, наконец, не достигли цели в десять утра.

Последний участок дороги был не самым удобным, и несколько студентов почувствовали себя плохо. Старосты начали распределять учеников по домам и помогать с багажом. Обычно в одном доме размещались четыре-шесть человек, поэтому около трёхсот студентов и преподавателей заполнили Мацзягоу и соседний Янлюбао.

Во дворе старосты Чжао и соседних домов были установлены навесы с печами для готовки. На главной улице выстроились длинные ряды круглых столов, которые быстро заполнились студентами и преподавателями, создавая впечатляющую картину.

<http://bllate.org/book/15564/1415564>